

**Заключительный этап
Всероссийской олимпиады школьников
по обществознанию 2013 г.**

3-й тур

Дорогие участники олимпиады, вам на выбор предлагаются тексты, относящиеся к различным областям обществознания.

Вы должны выбрать одни из текстов по своему усмотрению и выступить **оппонентом** автора текста. Вам надлежит **подвергнуть критике** содержащуюся в тексте авторскую позицию, **опровергнуть** аргументы автора и, если сумеете, **предложить альтернативное решение** рассматриваемой проблемы.

Удачи!

(Обязательно укажите номер выбранного вами текста и напишите, с точки зрения какой дисциплины — культурологии, политологии, социологии, философии, экономики, юриспруденции, — вы по-преимуществу будете ее рассматривать.)

Ваша работа будет оцениваться по следующим критериям:

1. Умение обозначить проблему (основную идею), содержащуюся в анализируемом тексте.
2. Критика основных посылок автора, выявление теоретической и (или) фактологической их необоснованности.
3. Вычленение уязвимых мест в способе обоснования позиции автора: (а) нарушение логической последовательности в рассуждениях автора; (б) противоречия в рассуждениях автора.
4. Привлечение аргументов известных ученых — сторонников иных подходов к решению рассматриваемой проблемы для опровержения позиции автора.
5. Предложение участником олимпиады своего собственного развернутого альтернативного решения указанной проблемы.

От «0» до «10» за каждый пункт.

Максимальное количество баллов — 50.

Развитие современной культуры характеризуется перевесом того, что можно было бы назвать объективным духом, над духом субъективным; это значит: в языке и праве, в технике и искусстве, в науке и предметах домашнего обихода заключен дух, за ежедневным ростом которого субъект поспевает далеко не вполне, а часто отстает от него. Если мы обратим внимание хотя бы на огромную культуру, воплотившуюся за 100 последних лет, в предметах и в познании, в институтах и комфорте, и сравним ее с культурными успехами, сделанными в тот же промежуток времени индивидами, — хотя бы только высшего порядка, — разница между ростом того и другого окажется ужасающей; в некоторых пунктах можно будет отметить даже регресс культуры у индивидов: в духовном отношении, относительно утонченности, идеализма. Такая разница является главным образом результатом увеличивающегося разделения труда, потому что последнее требует от личности все более односторонней работы, что при высшем своем развитии очень часто убивает личность как целое. Во всяком случае, личность отстает все дальше и дальше от преобладающей объективной культуры. На практике и в неясном чувствовании индивид, быть может, сильнее, чем им это сознается, низведен до *quantite negligeable*, стал пылинкой перед огромной организацией предметов и сил, которые постепенно выманивают из его рук весь прогресс, все духовные и материальные ценности. Переводят их из формы субъективной жизни в чисто объективную. Нужно еще только указать на то, что большие города являются главной ареной этой, перерастающей все личное, культуры. Здесь в зданиях и учебных заведениях, в чудесах и комфорте техники, в формах общественной жизни и внешних государственных институтах сказывается такая подавляющая масса кристаллизованного, обезличенного духа, что перед ним личность, можно сказать, совсем бессильна. Жизнь для нее становится с одной стороны бесконечно легкой, так как ей со всех сторон напрашиваются возбуждения и интересы, все для заполнения времени и мыслей, и это постоянно держит ее точно в потоке, где пловцу едва нужно делать кое-какие движения. Но, с другой стороны, жизнь индивида слагается ведь все более и более из такого безличного содержания и материала, которые стремятся подавить специфически-личную окраску и оригинальность;

так что, для того, чтобы это личное спаслось, необходимы величайшая своеобразность и особенность. Они должны быть даже преувеличенными для того, чтобы могли быть услышаны. Атрофия индивидуальной культуры, вследствие гипертрофии объективной, составляет причину той страшной ненависти, которую питали к большому городу проповедники крайнего индивидуализма, главным образом, Ницше; но это была также причина того, почему последние так страстно любимы именно в больших городах, почему именно жителю большого города они кажутся вестниками и освободителями его неудовлетворенной тоски.

Тому, кто захочет предусмотреть, каков будет дальнейший прогресс общества, естественно предстоит исследовать два вопроса:

- 1) Какие причины задерживали до сих пор развитие человечества или возрастающее его благосостояние?
- 2) Какова вероятность устранить, вполне или отчасти, эти причины, препятствующая развитию человечества?

Задача настоящей книги заключается преимущественно в исследовании последствий великого и тесно связанного с человеческой природою закона, действовавшего неизменно со времени происхождения обществ, но, не смотря на это, мало обращавшего на себя внимание людей, которые занимались вопросами, имевшими ближайшее отношение к этому закону. В сущности, многие признавали и подтверждали факты, в которых проявляется действие этого закона, но никто не замечал естественной и необходимой связи между самим законом и некоторыми важнейшими его последствиями, не смотря на то, что в числе этих последствий должны бы были обратить на себя внимание такие явления, как пороки, несчастья и то весьма неравномерное распределение благ природы, исправление которого всегда составляло задачу людей доброжелательных и просвещенных.

Закон этот состоит в проявляющемся во всех живых существах постоянном стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи.

По наблюдениям доктора Франклина единственною границею воспроизводительной способности растений и животных является лишь то обстоятельство, что, размножаясь, они взаимно лишают себя средств к существованию. Если бы, говорить он, поверхность земли лишилась всех своих растений, то одной породы, например, укропа, было бы достаточно, чтобы покрыть ее зеленью; если бы земля не была населена, то одной нации, английской, например, достаточно было бы, чтобы заселить ее в течение нескольких веков. Это утверждение неоспоримо. Природа щедрою рукою рассыпала зародыши жизни в обоих царствах, но она бережлива относительно места и пищи для них. Без этой предосторожности, одного населения земли было бы достаточно, чтобы в несколько тысяч лет покрыть миллионы миров; но настоятельная необходимость сдерживает эту чрезмерную плодо-

витость, и человек, наравне с прочими живыми существами, подчинен закону этой необходимости. Растения и животные следуют своему инстинкту, не останавливаемые предусмотрительностью относительно лишений, которые может испытать их потомство. Недостаток места и пищи уничтожает в обоих царствах то, что переходит границы, указанные для каждой породы.

Последствия того же препятствия оказываются для человека гораздо более сложными. Побуждаемый тем же инстинктом размножения, он удерживается голосом разума, внушающим ему опасение, что он не в состоянии будет удовлетворить потребности своих детей.... Если же, наоборот, одержит верх инстинкт — население возрастет быстрее, чем средства существования, а следовательно, по необходимости, оно должно вновь уменьшиться. Таким образом, недостаток пропитания является постоянным препятствием к размножению человеческой породы; это препятствие обнаруживается всюду, где скопляются люди, и беспрерывно проявляется в разнообразных формах нищеты и вызываемого ею справедливого ужаса.

Эй, человечешка, ныне отлучись ненадолго от занятий твоих, на малое время отгородись от беспокойных мыслей твоих. Отшвырни тягостные заботы и отложи на потом все надсадные потуги твои. Хоть немножечко опрастай в себе места для Бога и хоть вот столечко отдохни в нем. ...Эй же ныне и Ты, Господи Боже мой, научи..., где и как да ищет Тебя, где и как найдет Тебя. Господи, если Ты не здесь, где найду Тебя, отсутствующего? Если же Ты всюду, почему я не вижу Тебя присутствующего? ... Я никогда не видел Тебя, Господи Боже мой, не знаю лица Твоего. Что делать, Господи всевышний, что делать этому дальнему Твоему изгнаннику?.. Пыхтит от усердия видеть Тебя, и вот отсутствует лицо Твое. Приступить к Тебе желает, и неприступна обитель Твоя. Найти Тебя страждет, и не ведает места Твоего. Господи, Ты Бог и Ты Господь моя — а я ни разу не видел Тебя. Ты создал меня и воссоздал, и все добро, какое есть у меня, Ты вручил мне — а я так и не знаю Тебя. В конце концов, я и создан был для того, чтобы видеть Тебя, — и все никак не исполняю того, зачем был создан.

О жалкий жребий человека, утратившего то, ради чего он был создан!.. Куда тянулся и куда прибыл? Искал блага — «и вот ужасы». Лез к Богу, а уткнулся в себя самого. ... Да будет мне позволено одним глазком взглянуть на свет Твой, хоть издалека, хоть из глубины. Научи меня искать Тебя и явись ищущему; ибо ни искать Тебя не умею, ни найти — если не явишься.

Я, Господи, не стремлюсь проникнуть в высоту Твою, ибо насколько не равняю с ней мое разумение; но желаю сколько-то уразуметь истину Твою, ... ибо я не разумею ищу, дабы уверовать, но верую, дабы уразуметь.

Итак, Господи, дающий вере разумение, дай мне, сколько сам знаешь, чтобы я понял, что Ты есть, как мы веруем, и то есть, во что мы веруем. А мы веруем, Господи, что Ты есть нечто, больше чего нельзя себе представить. Значит, когда «сказал безумец в сердце своем: нет Бога»¹ — он сказал, что какой-то такой природы нет? Но, конечно, этот же самый безумец, слыша, как я говорю: «Нечто, больше чего

¹ Речь идет не о действительно безумном (сумасшедшем). Здесь отсылка к тексту Библии, а именно — Псалмам 13 и 52.

нельзя ничего себе представить», понимает то, что слышит; а то, что он понимает, есть в его уме, даже если он не имеет в виду, что такая вещь существует. Ведь одно дело — быть вещи в уме; другое — подразумевать, что вещь существует. Так, когда художник обдумывает то, что он будет делать, он имеет в уме то, чего еще не сделал, но отнюдь не подразумевает его существования. А когда он уже нарисовал, он и имеет в уме, и мыслит как существующее то, что уже сделал. Значит, убедиться даже безумец, что хотя бы в уме есть нечто, больше чего нельзя себе представить, т. к. когда он слышит это выражение, он его понимает, а все, что понимается, есть в уме. Ибо если оно есть по крайней мере в уме, можно представить себе, что оно есть и в действительности, что больше. Значит, если то, больше чего нельзя ничего себе представить, существует только в уме, тогда то, больше чего нельзя себе представить, есть то, больше чего можно представить себе. Но этого, конечно, не может быть. Итак, без сомнения, нечто, больше чего нельзя себе представить, существует и в уме, и в действительности.

И оно, конечно, существует столь истинно, что его нельзя представить себе несуществующим. Ибо можно представить себе, что существует нечто такое, чего нельзя представить себе как несуществующее; и оно больше, чем то, что можно представить себе как несуществующее. Поэтому если то, больше чего нельзя себе представить, можно представить себе как несуществующее, тогда то, больше чего нельзя представить себе, не есть то, больше чего нельзя себе представить; противоречие. Значит, нечто, больше чего нельзя себе представить, существует так подлинно, что нельзя и представить себе его несуществующим.

А это Ты и есть, Господи Боже наш. Значит, Ты так подлинно существуешь, Господи Боже мой, что нельзя и представить себе, будто Тебя нет.

...Эмиссию рубля, согласно закону, осуществляет только Банк России... Как же осуществляется эмиссия, как рубли вводятся в обращение? Очень просто — путем покупки иностранной валюты на бирже...

Вот цена на нефть пошла вверх. За тот же товар Россия получает уже не 100, а 110 долларов. Паритет нарушен, и ЦБ его исправляет. Он снижает курс доллара, покупает их дешевле и впрыскивает в экономику страны меньшее количество рублей за один пришедший в страну доллар... Иными словами, существует зависимость и жесткая привязка денежной массы внутри России и долларовой массы, которую Россия получает извне. А это значит, что мы уязвимы. Мы не до конца самостоятельны...

А в итоге денег в экономике России не столько, сколько необходимо для ее нормального функционирования, а столько, сколько долларов лежит в кубышке Центрального банка. Сколько долларов выручили за проданные нефть и газ, столько можно напечатать собственных российских рублей. То есть вся экономика России искусственно поставлена в прямую зависимость от экспорта природных ресурсов. Вот почему при падении цен на нефть рухнет всё и вся. Дело вовсе не в недоборе налогов от продажи самой нефти. Дело в том, что в экономике исчезают рубли. А уже потом падает торговля, строительство, урезаются зарплаты, и встает весь производственный процесс.

Важно понимать, что золотовалютные резервы страны не являются «резервом» государства. Эти деньги нельзя тратить. Они должны лежать в «кубышке» ЦБ просто для того, чтобы ЦБ мог печатать рубли. Золотовалютные резервы не приносят государству и народу никакой пользы. Их функция совершенно другая — это гарантии, которые нельзя тратить, чтобы можно было эмитировать рубли. Почему нельзя тратить ЗВР, тоже понятно — завтра продадим доллары для покрытия внешнего долга страны, а напечатанные под них рубли останутся. Баланс нарушен.

А если вы еще не до конца уверены, что «смерть кощея» лежит в коридорах Центрального банка России, то специально для вас на сайте ЦБ есть любопытная табличка. Называется она — «Ставка рефинансирования Центрального банка Российской Федерации»...

Почему экономика России умирала в начале девяностых? Да просто потому, что единственный эмитент рублей выдавал их под 210 % годовых. Мы это просто забыли, но все было именно так. Это, конечно, рекордный процент, но в целом с 1993 по 1996 год, практически три года, ставка выражалась трёхзначным числом. Попробуйте взять в долг под 210 % годовых. Не хотите открыть своё дело и взять кредит?

Это же не цифры, это космос! И, что самое интересное, не надо путать следствие с причиной. Это Центральный банк должен регулировать денежное обращение так, чтобы страна свободно дышала и развивалась. И уже от его действий во многом зависит уровень инфляции.

То есть инфляция была колоссальной, а цены росли как сумасшедшие именно потому, что ЦБ кредитовал российскую экономику под грабительский процент. А вовсе не наоборот! И после этого процент неуклонно снижался... Экономика смогла хоть как-то дышать. Ведь Центральный банк сознательно ею удушал, абсолютно сознательно и целенаправленно. Свидетельство тому — те негативные процессы, которые переживала совершенно рыночная и очень капиталистическая американская экономика, когда Федеральная резервная система США как-то раз подержала ставку рефинансирования на уровне не 210 %, а всего лишь 20 %.

«В апреле 1980 года основные процентные ставки в США перевалили за 20 %. Автомобили перестали продаваться, дома остались недостроенными, миллионы людей потеряли работу — к середине 1980 года уровень безработицы возрос до 9 % и продолжал повышаться вплоть до конца 1982, чуть не дотянув до 11 %». Рассказал нам об этом не кто иной, как бывший глава ФРС Алан Грин пен. А если вы не поленитесь и заглянете в вышеуказанную табличку, то убедитесь, что российская экономика жила при такой «гробовой» ставке в 21 % в период с 7 августа 2002 года по 16 февраля 2003 года. И ещё около десяти лет при космических ставках, доходящих до 210 %. Что бы стало с «эффективной» экономикой США, если бы ФРС подняла процентную ставку до 45 % и подержала бы ею такой годков пять?

Идея постдемократии помогает нам описать те ситуации, когда приверженцев демократии охватывает усталость, отчаяние и разочарование; когда заинтересованное и сильное меньшинство проявляет гораздо большую активность в попытках с выгодой для себя эксплуатировать политическую систему, нежели массы простых людей; когда политические элиты научились управлять и манипулировать народными требованиями; когда людей чуть ли не за руку тащат на избирательные участки. Это не то же самое, что недемократия... <...>

Связанные с ней [постдемократией] изменения на определенном уровне представляют собой переход от демократии к некоей более гибкой форме политического реагирования, нежели те конфликты, которые привели к тяжеловесным компромиссам середины XX столетия. В известной степени мы вышли за рамки идеи народовластия, бросив вызов идее власти как таковой. Это отражается в подвижках, происходящих в среде граждан: налицо утрата уважения к правительству, характерная, в частности, для нынешнего отношения к политике в СМИ; от правительства требуют полной открытости; сами политики превращаются из правителей во что-то вроде лавочников, в стремлении сохранить свой бизнес озабоченно старающихся выяснить все пожелания своих «клиентов».

Соответственно, политический мир по-своему реагирует на эти перемены, грозящие вытолкнуть его на непривлекательную и второстепенную позицию. Будучи не в состоянии вернуть себе прежний авторитет и уважение, с трудом представляя, чего от него ждет население, он вынужден прибегать к хорошо известным приемам современных политических манипуляций, которые дают возможность выяснить настроения общества, не позволяя при этом последнему взять контроль над процессом в свои руки. Кроме того, политический мир имитирует методы других миров, имеющих более определенное представление о самих себе и более уверенных в себе: речь идет о мире шоу-бизнеса и рекламы.

Отсюда и возникают известные парадоксы современной политики: в то время как технологии манипулирования общественным мнением и механизмы надзора за политическим процессом приобретают все большую изощренность, содержание партийных программ и

характер межпартийного соперничества становятся все более пресными и невыразительными. Политику такого рода нельзя назвать не- или антидемократической, потому что ее результаты во многом определяются стремлением политиков сохранить хорошие отношения с гражданами. В то же время такую политику трудно назвать демократической, потому что многие граждане сводятся в ней к пассивным объектам манипулирования, редко участвующим в политическом процессе. <...>

Государство всеобщего благосостояния из системы всеобщих гражданских прав постепенно превращается в механизм для вознаграждения достойных бедняков; профсоюзы подвергаются все большей маргинализации; вновь становится все более заметной роль государства как полицейского и тюремщика; растет разрыв в доходах между богатыми и бедными; налогообложение теряет свой перераспределительный характер; политики отзываются в первую очередь на запросы горстки вождей бизнеса, чьи особые интересы становятся содержанием публичной политики; бедные постепенно утрачивают всякий интерес к политике и даже не ходят на выборы, добровольно возвращаясь к той позиции, которую вынужденно занимали в преддемократическую эпоху. <...>

Кроме того, состояние постдемократии заметным образом сказывается на характере политической коммуникации. <...>

Популярная журналистика, как и политика, начала строиться по образцу рекламы: очень короткие сообщения, почти не требующие концентрации внимания, и использование слов для создания ярких образов вместо аргументов, обращенных к разуму. Реклама — это не рациональный диалог. <...> Рекламе невозможно возразить. Ее цель — не вовлечь нас в дискуссию, а убедить сделать покупку. Использование ее методов помогло политикам решить задачу коммуникации с массами, но не пошло на пользу самой демократии.

В дальнейшем деградация массовой политической коммуникации проявилась в растущей персонализации электоральной политики. Прежде избирательные кампании, тотально завязанные на личность кандидата, были характерны для диктатур и для электоральной политики в обществах со слаборазвитой системой партий и дискуссий.

Только что опубликованный декрет о суде самым решительным образом порывает со всеми началами прежнего правопорядка.

В ст. 22 декрета суду предлагается применять в своих решениях Законы Советского правительства, а при неполноте или отсутствии соответствующего закона руководствоваться социалистическим правосознанием, причем в примечании к этой ст. решительно воспрещается ссылка на законы свергнутых правительств...

Источником прежнего права был исключительно закон и поэтому всякое индивидуальное правотворчество, к каким бы положительным результатам оно ни приводило, считалось недопустимым.

Это основное начало признано неправильным. Народному социалистическому правосознанию предоставлен широкий простор, хотя и с известными временными ограничениями, необходимыми ввиду условий переживаемого момента и новизны самого дела. Таким образом, источником права объявлено народное правосознание, т. е. чисто психические переживания судей и их внутреннее представление о праве и справедливости. Этим дан огромный толчок к развитию народной психики, к строгому самонаблюдению и внимательному отношению к явлениям окружающей нас жизни.

При таком положении вещей совершенно отпадает надобность в тех ловких и притких юристах, которые монополизировали право, как своего рода жреческую магию, доступную лишь посвященным. Задача современного юриста более проста и более почетна и заключается не в запутывании судейского правосознания путем ловкой игры с бесчисленными законами, а в добросовестном содействии суду при рассмотрении всех обстоятельств дела и в технической консультации при разборе дел, требующих всестороннего знания законов Советской республики. Перед судом открываются совершенно исключительные перспективы...

Испокон веков юстиция умела обставлять себя известной таинственностью. Тот страх перед 16 томами Свода Законов, какой почувствовал Щедринский Помпадур, узнав, что в одном из этих томов содержится статья, запрещающая ему пороть пьянчужку-мещанина Прохора, можно назвать более или менее общим...

«Я никогда не судился и даже свидетелем не вызывался». Это обычное отклонение всякого знакомства с храмом правосудия весьма характерно. А если людям приходилось сталкиваться с вопросами права и справедливости, то они ездили в город и обращались к особому сословию (так оно и называлось «сословием») защитников, и не простых защитников, а присяжных. И присяжные защитники за особое вознаграждение, по таксе или по соглашению, открывали в этих толстых фолиантах те правила общежития, которые были общеобязательны и незнанием которых отговариваться никто не был вправе. Как тайну дипломатии так и тайну справедливости Рабоче-Крестьянское Правительство отвергло и провозгласило в своем декрете о суде «дой свод законов, да здравствует революционное правосознание!»

Но этим мы не хотели сказать ни того, что нам не нужны техники судебного дела, ни того, что мы отвергаем писанный закон вообще. Только юрист буржуазной школы и коммунист — понятия, по-видимому, несоединимые, что доказывает уже почти полное отсутствие этих белых воронов. А говоря о революционном правосознании, мы ни на минуту не забывали, что старые законы, как всякая традиция, продолжает свое существование в головах людей, даже после их сожжения.

Напротив, мы стремимся по возможности быстрее создать кодексы нового строя и не страшимся даже неизбежных при всякой спешке ошибок и понятного в переходное время непостоянства. Самым лучшим средством борьбы против старых законов является издание и проведение в жизнь нового закона, но проведение в жизнь не механическое, а сознательное. Поэтому самые законы должны стать простыми и всем понятными и должны слиться с правосознанием революционных широких масс в единое коммунистическое мировоззрение, что возможно только путем их популяризации и широкого распространения.